

УЮТНЫЙ
РОМАН

Когда выпадает снег, в Петербурге по вечерам становится тесно и уютно, как на чердаке в старом доме. Темное, затянутое облаками небо висит низко, а серый снег кажется паутиной и вековой пылью, и даже яркие фонари не могут развеять мглу, освещая лишь пяточок пространства вокруг себя, будто свечи или керосиновые лампы. Солнце в это время года заходит рано, а луну или совсем не видно, или можно только угадать по неясному пятну света на пелене туч, окутывающих город.

Темно, мрачно, немного жутко и в то же время ясно, что ничего плохого с тобой не случится до самой весны.

...Зиганшин припарковался возле старинного здания с высокими узкими окнами и, подойдя к входным дверям, взялся за массивную латунную ручку.

Потребовалось довольно много сил, чтобы открыть тяжелую дубовую створку.

Перед тем как войти, он посмотрел вверх: многие из окон уже погасли, но в нужном ему

горел тусклый казенный свет. Макс, стало быть, работает или просто сидит в кабинете, потому что дома его никто не ждет.

Миновав суровую бабу-вахтершу, Зиганшин сочувственно вздохнул. Он приехал к Максу Голлербаху за индийским чаем, купленным его родственниками на какой-то ярмарке специально для друга. Конечно, Мстислав Зиганшин мог бы сам приобрести себе сколько угодно чаю любого качества и фасона, но мысль, что у него есть приятели, которые думают о нем во время семейного выхода за покупками, мол, «а давай-ка возьмем пакетик для Мити», была чрезвычайно приятна.

Макс сидел за столом, погруженный в работу, но, увидев на пороге Зиганшина, обрадовался и вскочил.

— Как хорошо, что вы сумели выбраться, — сказал он, коротко и сильно пожимая приятелю руку.

— А я уже боялся, что не застаю.

— Что вы, я каждый день сию допоздна. — Макс с улыбкой показал на свой стол, заваленный бумагами так, что монитор жался на самом краю, как бедный родственник. — Когда уходил из частной клиники, боялся, что у меня окажется слишком много свободного времени, но, слава богу, обошлось.

Зиганшин развел руками, мол, у увлеченного человека всегда найдется, чем заняться на рабочем месте. Странно, он вроде бы одинаково приятельствовал с Максом и с его двоюродным бра-

том Русланом Волчеткиным, но с тем молниеносно перешел на «ты», а с Максом так и застрял на уважительном обращении.

— Кофе? — Голлербах, не дожидаясь ответа, включил чайник и стал сервировать крошечный журнальный столик, притулившийся возле окна.

Зиганшин огляделся: Максимилиан, высокий костлявый мужчина примерно его лет, был очень некрасив, но резкие неправильные черты завораживали и притягивали, как картины Пикассо. Споря с безжалостной природой, Макс пытался выглядеть нарочито аккуратно и консервативно, был всегда безукоризненно одет, тщательно выбрит и стильно подстрижен. Зиганшин помнил, что при знакомстве профессор Голлербах произвел на него впечатление невероятного зануды, а уважение и симпатия появились много позже. Кабинет оказался под стать хозяину. Благодаря старинному высокому окну, или строгим книжным шкафам, или плакату, выполненному на пожелтевшем от старости ватмане и повествующему о каких-то сложных мозговых процессах, сразу становилось понятным, что здесь занимаются серьезной, хоть, может быть, и старомодной наукой, и, если не отвергают с ходу смелую гипотезу, то обязательно приводят ее в приличный и подобающий вид, прежде чем явить миру.

В углу стояла рогатая вешалка, тоже, судя по медным шишечкам, старинная, на которой в строгом порядке располагались модное кашемировое пальто и идеально выглаженный двуборт-

ный медицинский халат, тоже слишком консервативный для современного доктора.

Зиганшин, войдя, небрежно бросил свою куртку на спинку стула, а теперь встал и повесил ее так, чтобы влажные от снега рукава не касались халата.

На обратном пути он замер у книжного шкафа. Стена в простых офисных обоях, жиденькая дверца с расшатанным стеклом, корешки книг: солидные кожаные фолианты с золотым тиснением, демократически-академические коленкорные обложки советского образца и броские новые издания, стоящие вперемешку и неровно, втиснутые между томиками блокноты и стопки исписанных листков — все это так не было похоже на аккуратиста Макса, и почему-то представилось Зиганшину настоящим сгустком мудрости, от эманаций которого он и сам, кажется, немного поумнел.

— Можно? — спросил Зиганшин, показав на шкаф.

— Конечно, пожалуйста, — кивнул Макс с некоторым удивлением, поскольку раньше приятель не давал повода подозревать в себе книголюба.

Осторожно отворив хлипкую дверцу, Зиганшин извлек из плотного ряда книг старый томик в хрупкой картонной обложке с обтрепавшимися углами и быстро его пролистал. Вдыхая еле слышный аромат пожелтевших страниц, он вдруг пожалел, что не было в его жизни науки, корпения над

книгами и жадного изучения какого-нибудь предмета от самых истоков. «Я же был не дурак, — подумал Мстислав Зиганшин в приступе светлой грусти по несбывшемуся, — и любопытный парень. Не гений там какой-нибудь, но башка у меня варила. Даже завуч прочила мне карьеру ученого, несмотря на все хулиганства. Но любовь победила во мне тягу к знаниям, и покатилося... Школа милиции вместо универа, звания вместо степеней. В принципе неплохо, но иногда грустно».

Увидев, какую книгу Зиганшин держит в руках, Максимилиан улыбнулся и заметил, что чуть товарища не подвело. Он взял с полки лучшее руководство по психопатиям, написанное за последние сто лет, и хоть издана книга была в тридцатые годы двадцатого века, до сих пор остается актуальной. До недавнего времени автор книги был для профессора Голлербаха непрекаемым авторитетом, но сейчас его мировоззрение стало меняться.

— Понимаете, Мстислав, — продолжал Макс, отвечая более собственным мыслям, чем собеседнику, — когда я окончил учебу в институте, то приступал к работе с довольно стройной конструкцией знаний в своей голове. Схема, система, называйте, как хотите, но мне казалось, что почти на любой вопрос можно найти ответ и к каждому случаю подобрать соответствующее лечение. Потом в силу разных жизненных обстоятельств стал осваивать психотерапию, и тут тоже у меня все улеглось в логические цепочки. Но чем даль-

ше я работал, чем глубже погружался в свою специальность, тем больше появлялось разных непонятных вещей, которые подтачивали и размывали все мои постройки. В результате теперь я растерян, наверное, даже сильнее, чем когда после института пришел в интернатуру, между тем как моя ответственность стала неизмеримо больше.

Мстислав Юрьевич нехотя признался, что с ним происходит то же самое.

— Наверное, это кризис среднего возраста, — улыбнулся он.

— Вот именно! — с жаром подхватил Макс. — Всем нашим мыслям и делам можно найти какие-то лекала. Разве это правильно?

Зиганшин украдкой взглянул на часы и сказал, что не знает. Неожиданно ему стало хорошо и уютно в этом старом кабинете, где, казалось, даже стены и обстановка насквозь пропитались умными мыслями. Он почти забыл, каково это — сидеть с приятелем и никуда не спешить, и обсуждать что-то, не касающееся работы. А уж такого, чтобы друг делился с ним своими переживаниями просто так, без расчета, Мстислав Юрьевич и не припоминал. То ли от природы, то ли после того, как первая любовь Лена не дождалась его из армии, но, вступив во взрослую жизнь, Зиганшин стал замкнут и нелюдим. В служебных делах проявляя нужную степень общительности, он к себе никого не подпускал и, состоя в превосходных отношениях с коллегами и деловыми партнерами, внутренне оставался совершенно одинок. Даже с

сестрой Наташей и с матерью не откровенничал, несмотря на то что очень их любил. Когда Наташа трагически погибла, он сблизился с коллегой, Лизой Федоровой, ее мужем Русланом Волчеткиным и с Максом, но все равно эта дружба носила с его стороны какой-то покровительственный характер: он опекал беременную Лизу, помогал Руслану в некоторых житейских делах, но сам старался выглядеть в их глазах уравновешенным и самодостаточным человеком, уверенно справляющимся со всеми трудностями. «Наверное, это неправильно», — подумал Зиганшин с неприязнью к себе и внимательно посмотрел Макс в глаза, загадав, что если приятель продолжит свою исповедь, то еще не все потеряно.

— Я тоже терял смысл своей работы, а потом со временем налаживалось все. Как, знаете, при генеральной уборке — сначала все перемешивается и сваливается в одну кучу, а потом порядка становится больше прежнего. Диалектика! — Зиганшин нахмурился, вызывая в памяти рудименты философских знаний, которыми был снабжен в школе милиции, — дискретность и континуализм. Этот, как его, скачок!

Макс с улыбкой покачал головой:

— Вы, безусловно, правы, но чем глубже я погружаюсь в свою специальность и чем больше приобретаю опыта, тем иногда яснее мне становится, что мудры были люди в те времена, когда роль психиатра и психотерапевта исполнял приходской священник, — продолжал Макс задумчи-

во, — хотя вам, наверное, эти все мои метания кажутся дурью и мракобесием.

— Нет, что вы! — замотал головой Зиганшин. — Очень интересно.

— Возьмем книгу, которую вы держите в руках. Очень грамотное описание психопатий, ну и что дальше? Получается, если ты родился психопатом, неизвестно, кстати, по какой причине, то обречен на определенный жизненный сценарий, и круг этот никак не разорвать? Или взять антисоциальных психопатов: что ж поделаешь, раз тебе досталась такая психика, то ты обречен совершать преступления, стало быть, не ты виноват, а природа? За что тебя судить? Что тебе не повезло с генетикой?

Зиганшин только пожал плечами. Он не вникал в подобные тонкости, считая, что обязан ловить преступников, а дальнейшую их судьбу пусть определяет суд. Но действительно среди правонарушителей попадались такие, чью логику и мотивы бывало трудно, а то и невозможно понять.

— Вот видите, — заметив, что чашка гостя опустела, Макс снова поставил воду кипятиться, — не разумнее ли считать, что бог дал каждому из нас то, что дал, плюс еще свободу воли? Что мы, несмотря на раздирающие нас противоречия и низкие инстинкты, можем найти в себе стойкость духа поступать правильно?

— Не все способны управлять собой и не всегда понятно, как именно будет правильно. В об-

щем даже довольно редко бывает, что это ясно сразу, — вздохнул Зиганшин.

— Поэтому люди издревле просили помощи у высших сил. Помолился, отдал себя в руки божественного провидения — и вроде как легче на душе.

Чайник, сердито булькнув, отключился, и Макс сделал еще по чашке кофе. Зиганшин не особенно любил растворимый, но прилежно пил, чтобы не обижать хозяина.

— Пожалуй, единственное, что я твердо понял за годы работы, это что человеческая психика — бездна. В буквальном смысле без дна, и, пытаясь ее изучить, мы только проваливаемся все глубже и глубже, увязая в паутине ложных смыслов, и никогда не обретем в этом бесконечном тоннеле точку опоры.

— Да, но и бога нам тоже познать не суждено.

Макс покачал головой и нахмурился. Было видно, что эти горькие размышления давно его занимают.

— И все же есть разница, — сухо сказал он, — познавая человека, мы стремимся вглубь, а познавая бога — ввысь.

Зиганшин рассмеялся:

— Как-то получается из ваших тезисов, что человек равен черту. Не то чтобы я спорил с этим постулатом, но все же...

Макс фыркнул и заметил, что когда занимаешься пустословием, всегда приходишь к какому-нибудь дурацкому и неожиданному выводу.

— Простите, что нагрузил вас своей жалкой схоластикой. Я ни с кем это не обсуждал, но, найдя в вас такого приятного собеседника, не удержался.

Неожиданно для себя Зиганшин решил:

— Тогда я вам тоже кое-что про себя расскажу. Это такой вроде психиатрический момент, поэтому даже не буду просить вас никому это не передавать.

— Разумеется, — Максимилиан внимательно посмотрел на собеседника, — врачебная тайна нерушима.

— В общем, я вернулся когда из армии, все вроде было хорошо и много лет меня не тревожили ни сны, ни воспоминания. А потом вдруг, совершенно внезапно, без каких-то, как говорится, провоцирующих факторов, меня накрыло. Это случилось на Петроградской стороне, на Большой Пушкарской. Я увидел взвод солдат, марширующих в баню, и даже не могу передать толком, что вдруг со мной произошло. Словно все годы, прожитые после возвращения, вдруг в одну секунду пронеслись сквозь меня. Или, вернее, ударили под дых, так что я охнул и согнулся. Слава богу, я был один, и никто не увидел моей слабости. Потом такие штуки начали повторяться, и самое мерзкое, что я никак не мог это заранее предвидеть. Допустим, батальную сцену в фильме я смотрю совершенно спокойно, а потом вижу ботинки своей дамы, думаю, что они похожи на берцы, и нате-пожалуйста. Любая мелочь

могла вызвать этот кратковременный, даже не знаю, как назвать: страх не страх, ужас не ужас. В общем, как оргазм, только наоборот. Жуткое чувство, что я жив, когда пятнадцать лет назад должен был умереть.

— А в чем это выражалось внешне? — осторожно спросил Голлербах. — Сердцебиение, тошнота?

— Нет, ничего подобного. Просто острейшее изумление, как я прожил пятнадцать лет. Естественно, я, как любой уважающий себя псих, отрицал, что у меня комбат-стресс, и ни к какому там врачу идти не собирался. Беспокоило только одно: не помешают ли мне эти штуки сохранять спокойствие в опасной ситуации? Но, к счастью, выяснилось, что в острые моменты на меня не накатывает. Я приловчился сдерживать свои реакции, когда это происходило на людях, но однажды все же оконфузился: повел свою тогдашнюю даму в кино, причем не на военный фильм, а специально взял билеты на сопливую комедийную мелодраму. Сижу себе такой, расслабился, ни с какой стороны не жду подвоха, и романтически держу девушку за руку. И вдруг на экране собака проползает под забором. Ну и все. В общем, я стиснул руку своей спутницы так, что она заорала на весь зал. Слава богу, пальцы ей не сломал, но она оказалась адекватным человеком, не стала доискиваться, что со мной не так, и спасти меня от меня же самого, а просто сказала, что я придурок, и бросила меня. Только тут я сообразил, что надо